
Л. Е. ГРИНИН

РЕВОЛЮЦИИ: АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ*

В статье автор формулирует свой взгляд на революции, показывая их положительные и отрицательные стороны, их плюсы и минусы в разных аспектах, в прошлом и настоящем. В статье обсуждается, неизбежны ли революции, формулируются некоторые рекомендации, которые теоретически могут помочь избежать революций. Показано, как и почему роль революций существенно меняется в разные периоды истории, дано объяснение, почему революции вместо «локомотивов развития» в итоге оказались малопродуктивным социальным экспериментом. Тем не менее, хотя революции – весьма опасный и очень затратный способ изменения общества, в современном мире они отнюдь не стали архаическим явлением. Поэтому тема статьи весьма актуальна.

Ключевые слова: революция, исторический процесс, Мир-Система, развитие общества, модернизация, прогресс, геополитика, ядро, периферия.

Революции известны очень давно, они сопровождают человечество с момента образования первых политических структур. Революция в самом общем плане – это особая форма смены политической власти или политического (социально-политического) режима, в процесс которой вовлекаются более или менее широкие слои населения под определенными лозунгами¹. Несмотря на довольно активное исследование революций, общепринятого определения революции нет. Наши определения мы давали в целом ряде статей, поэтому в данной работе их не приводим (см.: Гринин 2021; Гринин, Коротаев 2020, 2021; Голдстоун и др. 2022; Goldstone *et al.*

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535 «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе»).

Для цитирования: Гринин, Л. Е. 2023. Революции: аргументы за и против. *История и современность* 3: 28–54. DOI: 10.30884/iis/2023.03.02.

For citation: Grinin, L. E. 2023. Revolutions: Pros and Cons. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 3: 28–54. DOI: 10.30884/iis/2023.03.02 (in Russian).

¹ По-прежнему остается актуальной идея, что главный вопрос любой революции – вопрос о власти (Ленин 1969: 145).

2022). Для нашего исследования важно исходить из следующих посылок: 1) революции можно считать постоянным и закономерным для исторического процесса явлением; 2) революции являются результатом противоречий социально-политического, культурно-этнического, религиозного (такова была, например, первая революция модерна – Реформация), экономического и иного изменения/развития. В этом плане их можно считать неизбежными, примерно так же, как войны. Однако это вовсе не значит, что каждая революция, которая случилась, была неизбежной, напротив, многих из них можно было избежать; 3) революции следует рассматривать как факторы и движущие силы развития наряду с целым рядом других факторов и движущих сил; 4) роль революций в разных аспектах была различной на разных этапах исторического процесса, и она продолжает изменяться и сегодня; 5) оценка революции в плане прогресса зависит от ее цены и результатов; 6) в этом плане все более важным соперником революций выступают реформы; 7) любая революция всегда есть результат ошибок правителей и элиты. Поэтому есть возможность избежать революций при проведении более правильной политики. Эти тезисы мы и разовьем в настоящей статье, которая является продолжением работы (Гринин 2021).

1. Изменение роли революций в историческом процессе

Если рассматривать революции как насильственную смену режима, то можно сказать, что они сопровождают политическую историю на протяжении многих тысячелетий. Но такого рода революции в основном характерны для государств полисного типа или олигархических республик, в которых режимы могли меняться с олигархического (или тиранического) на демократический и наоборот. Таким образом, до Нового времени революции имели место чаще всего в государствах, политический режим которых был мало распространен в доиндустриальный период исторического процесса, когда преобладали монархии. История некоторых эллинистических государств и Рима также может быть описана в революционном аспекте как борьба социальных и политических групп за распределение ресурсов и власти (см., например: Сорокин 1992а; 1994). Мы найдем некоторое подобие политических и социальных революций (или их попыток) в средневековых государствах (в Италии и некоторых других странах). В позднем Средневековье можно уже говорить о первых религиозных революциях (например, вос-

стание гуситов в Чехии). Социальная борьба прослеживается и в истории ряда восточных государств. Но там реже наблюдаются попытки установить новый режим, условно говоря, изменить «конституцию», хотя иногда мы наблюдаем что-то вроде социальных революций, когда меняются социально-экономические (распределительные) отношения². Зато налицо крупные восстания, иногда сметающие династии, как в Китае³.

Но, несмотря на вышеприведенные примеры, в древности и Средние века лишь небольшое меньшинство революций способствовало движению обществ к более высокой ступени социальной эволюции⁴. Конечно, определенную роль в развитии они играли, но по сравнению с войнами и другими изменениями – более слабую. Производственная основа общества не менялась вслед за революциями, поэтому их прогрессивный эффект был существенно слабее, чем в эпоху модерна.

Таким образом, одной из ведущих движущих сил исторического процесса революции стали только с периода Новой истории (см.: Хантингтон 2004; Eisenstadt 1978; Гринин 1997; Семенов и др. 2007; Травин, Маргания 2004; Голдстоун 2015). Почему? Потому что это был переход к новому – промышленному – принципу производства, и начался он с конца XV в. (подробнее см.: Гринин 2006; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin, Korotayev 2015). А вместе с переломом в производстве было необходимо сменить и все другие отношения, чтобы общество могло создать простор для развития новых производительных сил. И именно революции могли способствовать слому отношений, которые этому развитию препятствовали. Таким образом появились революции нового типа, которые до XVI в. были практически неизвестны в истории. О них можно говорить как о явлении, ставшем исключительно важным для разворачивания исторического процесса, как о способе реализации поступательного развития обществ, повышения его эконо-

² Например, реформы в XXIV столетии до н. э. Урунимгины, который, вероятно, был избран правителем Лагаша после народного восстания (Дьяконов 1951, 1983: 207–274, 2000: 55–56).

³ Из китайских народных восстаний ближе всего к революции стоит тайпинское 1850–1864 гг. (см., например: Илюшечкин 1967).

⁴ Одним из исключений является религиозная революция Мухаммеда в начале VII в. н. э. в Аравии.

мического, культурного и политико-правового уровня⁵. Иными словами, здесь мы рассматриваем революции не просто как способ смены политического режима, но как форму разрешения противоречий в обществах, с некоторых пор находившихся уже на ведущей линии технологического, культурного и политического развития⁶.

Более слабая, чем позже, роль революций в домодерновый период объяснялась также тем, что до XVI в. мы не можем говорить ни о сформировавшейся Мир-Системе с современной структурой ядра и периферии, ни о ведущей линии исторического процесса, каковой стало на ряд столетий развитие Европы и Запада в целом (африканская мир-система имела ядро только до 1-го тыс. до н. э., на Ближнем Востоке, а потом вышли вперед несколько ведущих регионов – на Дальнем Востоке, в Европе, соответственно, развитие пошло несколькими линиями). А роль событий, происходящих в центре Мир-Системы, существенно выше, чем роль событий на периферии (в будущем, если таковая становится новым центром, то ретроспективно роль событий в прошлом повышается, но это в любом случае не прямое влияние). С выходом Европы на авансцену ситуация изменилась. И кстати будет отметить, что имела место и обратная связь: революции в итоге усиливали центральную роль Европы в Мир-Системе, открывая простор для развития технологий, экономики, культуры и новых политических форм. Однако по-настоящему мир-системную роль она стала играть уже в XVII–XVIII вв., но особенно в XIX в., именно тогда, когда наиболее прогрессивная роль революций стала уменьшаться.

В свое время мы рассмотрели пятисотлетний путь от великих революций к «бархатным» и далее к цветным (Гринин 2017а, 2021; Grinin 2022а, 2022b, 2022с). Что можно сказать в качестве вывода? Мы видим, что как средство обеспечения прогресса в обществах, условно говоря, магистральной линии исторического прогресса революции повышают свою роль в течение XVI–XVIII столетий и достигают апогея в середине XIX в. (1848–1849 гг., об этих рево-

⁵ Разумеется, поступательного только в конечном счете (поскольку, как мы показываем далее, революции оказались весьма затратным способом развития и порой временно отбрасывали общество назад).

⁶ Однако, как мы увидим ниже, в XX в. в связи с изменением роли революций в историческом процессе они могли переводить общество на немагистральный путь развития. Такими путями были социализм, фашизм (например, в Испании), такова была религиозная революция в Иране.

люциях см.: Grinin 2022e); как способ создания альтернативной линии исторического развития (в частности, социализма) они реализуются в 1917–1949 гг. С этого времени их творческий потенциал постоянно снижается. В итоге из «локомотивов развития» революции постепенно трансформировались в малопродуктивную форму социального развития. Тем не менее, хотя революции – весьма опасный и очень затратный способ изменения общества, в современном мире они отнюдь не стали архаическим явлением.

2. Неизбежны ли революции?

Ниже мы будем говорить, что революции необходимо рассматривать как закономерность определенного этапа развития, связанного с модернизацией. В этом же параграфе укажем, что если в рамках и масштабах исторического процесса и Мир-Системы мы вполне имеем право сказать, что революции как явление неизбежны, то в каждом конкретном случае они не могут рассматриваться как неизбежность, по крайней мере, до определенного момента развития событий. Революции – это всегда результат не просто той или иной политики, но и совпадения в определенный момент ряда других обстоятельств. А значит, совпадения этих обстоятельств можно избежать.

Оценки значения революции всегда зависели во многом от партийной позиции и часто были полярными. Республиканцы, социалисты и другие радикально настроенные политики и исследователи считали революции крайне желательными. Те, кто рассматривал революции как катастрофы, нередко считали их случайным совпадением событий. Анализ исторического процесса показывает, что революции и – шире – возникновение революционных настроений – это явление, которое переживали и время от времени переживают многие общества. Потому вполне очевидной выглядит идея, что в известной мере это вовсе не случайно.

Но, хотя в возникновении революций можно проследить определенную закономерность, важно понимать, что, как и другие крупные исторические события (войны, экономические кризисы), каждая революция уникальна, неповторима, каждая при рассмотрении ее в отдельности демонстрирует значительный субъективный фактор, череду особых обстоятельств, сцепление событий, которые, сложись они по-другому, могли бы и не привести к революции. Для российских революций это прослеживается исключительно

ярко. Иными словами, революции не являются фатально неизбежными, и уж тем более не является фатально неизбежной их победа. Для последнего можно, к примеру, указать на события в Белоруссии 2020–2021 гг., когда твердая позиция президента А. Лукашенко позволила ему удержать власть, или неудачные благодаря непреклонной политике Н. Мадуро попытки революции (или, точнее, очередной революции в революционную эпоху в Венесуэле, которая началась в этой стране с приходом к власти Уго Чавеса в 1999 г.). В последнем случае это даже была не попытка революции, а революционный эпизод. И поскольку в каждом конкретном случае революции не являются неизбежными, можно разрабатывать технологию их предотвращения.

3. Революции как явление определенного этапа развития общества

Итак, мы видим, что революции – это события, связанные с *определенным этапом развития общества*. Революции также можно (и необходимо) рассматривать как особого рода кризис общества, точнее, как *кульминационную часть имеющегося и все более усиливающегося кризиса в обществе и разрешение этого кризиса*.

Рассмотрим это несколько подробнее. Известны подходы, которые определяют общество как систему. Они во многих аспектах плодотворны. Но общество, особенно модернизирующееся, – это саморазвивающаяся система. А такая система не только может испытывать, но и обязательно испытывает время от времени кризисы. Важно заметить, что кризисы эти возникают в результате длительного роста. В модернизирующихся обществах рост происходит во многих сферах жизни, включая и общественное самосознание (отсюда и важная роль идеологий в революциях). Но он идет непропорционально – одни сферы опережают другие. С системной точки зрения кризис возникает в результате нарушения пропорций в системе. С точки зрения социальных слоев и групп – это ощущение сильного дискомфорта, осознание, что дела идут совсем не так, как нужно, что есть виновные в этом (обычно правительство или конкретные деятели, усугубившие ситуацию в войне, реформе и т. п.). Это ощущение роста несправедливости, нарушения важных правил и обычаев и т. п. (на фоне роста диспропорций выше нормы); падение авторитета страны. Конкретизация такого неправильного положения вещей в осознании общества во многом зависит от особенностей социума, времени и личностей, конкретного момента.

Таким образом, революции – результат перехода обществ и в целом исторического развития на другие рельсы: систематического роста экономик и изменения отношений, институтов на этой базе. *Революция – это одно из средств обеспечить в итоге простор для паттерна постоянного изменения общества, его жизни в условиях постоянного изменения.* Но данное средство стало выглядеть все более опасным, и оно первоначально возникало стихийно. Позже появились профессиональные революционеры, но и их действия были направлены на подрыв устоявшегося порядка, что было рискованно. По мере развития общества, течения исторического процесса, повторим, удалось найти и иные, более эффективные (и более осознанные) способы поддержания условий для постоянного изменения: реформы, демократические институты, создание архетипа, который стимулирует людей к жизни в условиях изменений, а также сакрализацию таких институтов, как образование, наука, рынок, права человека и групп и т. п.

Революции на несколько веков стали не просто широко распространенным социально-политическим явлением, но и важным инструментом развития, поиска нового. В итоге революциями «переболели» очень многие страны, некоторые раньше России, а некоторые – намного позже. И сегодня революции еще не вышли из арсенала решения социально-политических проблем⁷.

Революции также стали социальными лабораториями огромного масштаба для проверки правильности тех или иных теорий и идей. Естественно, что цена таких экспериментов была очень велика, но с точки зрения будущего прогресса она давала возможность найти наиболее устойчивые формы и варианты институтов общества. Одновременно выявилось, насколько далеки идеологии от практики. Вот почему революции сегодня уже трудно рассматривать со знаком «плюс» – их цена и особенно опасность направить общество по неверному курсу (как это случилось в октябре 1917 г. в России или в 1979 г. в Иране) во многих случаях начинает значительно превышать возможный прогресс. Иными словами, того же самого (в смысле роста качества жизни и модернизации общества) в итоге можно добиться в спокойном темпе, пусть и ценой сохранения аморального режима, не потрясая общество.

⁷ Есть более счастливые общества, которым удалось избежать революций, но среди исторических наций их не так уж много, а среди крупных держав – и подавно.

В основе революций начиная с Нового времени в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые создались в результате ускоренной модернизации. Эти диспропорции резко усиливаются быстрым ростом населения, особенно доли горожан и молодежи в его структуре, что часто вызывает социальное напряжение.

Различные исследования (см., например: Lipset 1959; Moore 1966; Voix 2011; Хобсбаум 1999; Хантингтон 2004; Epstein *et al.* 2006; Стародубровская, Мау 2004; см. также: Гринин 2010, 2011, 2013, 2014, 2017a; Гринин, Коротаев 2013, 2014; Коротаев и др. 2011; Korotayev *et al.* 2014; Grinin 2012, 2022d) показали, что сами процессы модернизации, независимо от уровня потребления и темпов демографического роста, достаточно тесно и органично связаны с опасностью социально-политических катаклизмов, которые сравнительно легко могут перерасти в революции и кровавые потрясения. Поэтому в качестве исключения следует рассматривать скорее случаи бескризисного развития в условиях модернизации и выхода из мальтузианской ловушки, чем случаи революций и политических потрясений.

В результате нередко получается, что революции происходят именно в экономически успешных или даже очень успешных обществах. Однако именно этот успех создает завышенные ожидания, которые становятся идеологической базой для социального взрыва. В таких странах, как Египет и Тунис, к 2010-м гг. ситуация развивалась именно по такой модели.

4. Революции и прогресс

Если вспомнить общую логику развития исторического процесса, то длительное время он «работал» в направлении создания прочных институтов, способствовавших устойчивости общества при любых пертурбациях, при постоянной внешней активности государств. Это могло происходить, поскольку производственный и технологический фундамент общества (а вместе с тем и социальный, так как крестьянство составляло основу народа) был достаточно консервативным и архаичным, не изменяющимся постоянно (да и культура была архаичной, уровень грамотности – низким). Но с изменением этого производственно-технологического базиса начался процесс, при котором данные прочные, иногда сверхпрочные крепления общества (например, императорская власть определенной династии была важнейшей скрепой для многонационально-

го государства) постепенно становились помехой для движения общества вперед. А поскольку, как уже было сказано, это были очень прочные и мощные институты, в условиях отсутствия других инструментов влияния на них (и нужного исторического опыта) революции возникли как практически единственные способы их слома.

Таким образом, революции из средства борьбы за власть в обществах особого типа (какими были прежде всего полисы, городские республики и т. п.) перерастают в мощное орудие прогресса (хотя и довольно разрушительное) уже в большинстве обществ. Однако развитие теперь могло идти и эволюционным путем, часто давая тот же эффект.

То, что изменения, которые происходят в период революции, могут совершиться мирным, эволюционным путем, заметил уже А. де Токвиль в середине XIX в., исследуя «старый», то есть дореволюционный (до 1789 г.) порядок во Франции. «Внезапно, болезненным резким усилием, без перехода, без предосторожностей и без пощады Революция завершила дело, которое мало-помалу завершалось само собой», – делал он вывод (Токвиль 1997: гл. V). Но если Французская революция конца XVIII в. при всей своей огромной цене (включая и миллион жизней, унесенных Наполеоновскими войнами), несомненно, была значимым толчком к изменениям не только во Франции, но и в Европе, и в мире в целом, то сегодняшние революции, хотя они и вызывают международные кризисы, толчком к прогрессу считать нельзя (ярким примером чего являются Украина, Египет, Тунис). А часто это определенный цикл кризиса, после чего все возвращается к прежней ситуации. Кроме того, шанс на успех революции (опять же в смысле улучшения жизни и особенно искоренения тех язв, которые ее и вызывают) не только не стопроцентен, но и порой невелик. А вероятность, что все вернется на круги своя, повторим, высока. В иных же случаях общество просто попадает в революционную ловушку, где революции перестают быть орудием развития, а являются одним из способов смены власти.

В большинстве случаев для перехода к устойчивой демократии требовалась более чем одна революция. Например, во Франции в целом произошли четыре революции в течение столетия, прежде чем там установилась демократия. А в обществах менее развитых, к сожалению, требуется еще больше революций. Так, в Испании XIX в. произошло пять революций, но в итоге в XX в. свершилась

очень крупная революция 1931–1939 гг., которая закончилась длительной диктатурой, и уже после этого страна вступила в демократическую эпоху. Правда, последующие революции обычно были менее драматичными и разрушительными, чем первая (но не всегда, последняя революция в Испании была наиболее жестокой).

В целом вопрос о роли революций как орудий прогресса – это сложная проблема, в которой можно выделить три измерения. Первое – роль революций как двигателя прогресса в отдельных обществах, переживающих революцию. Выше мы отмечали (см. также: Гринин 2017а, 2017б), что эта роль с течением исторического прогресса снижается, а риск попадания революционных обществ в порочный круг бесконечных переворотов возрастает. Поэтому в будущем, как и раньше, некоторые страны могут попадать в довольно длительный период революционных эпох. Это означает, что страны, которые пережили революции, но их политическая система никак не установится (как в Грузии или на Украине), могут пережить их вновь. Они будут попадать в своего рода революционную ловушку. По-прежнему продолжается революционная эпоха в обществах Ближнего Востока, переживших революцию: в Египте, Сирии, Йемене, Ливии (см.: Гринин 2022). При этом в трех последних нужно говорить о еще более тяжелом периоде – своего рода смутной эпохе. Что касается новых путей развития отдельных обществ, то революции могут создать новые альтернативы развития внутри отдельных обществ. Однако шансы, что такие альтернативы окажутся лучше, чем развитие в рамках авторитарного общества, в современную эпоху не слишком велики.

Второе измерение – роль революций как способа формирования передовых моделей развития, которые становятся образцом для подражания для других стран (как это было в XVII–XVIII вв.). Однако мы видели, что роль революций в историческом процессе как событий, которые прокладывают путь на новые уровни, модели и траектории развития, постепенно уменьшается. В настоящий момент трудно ожидать, что какие-либо революции явят к жизни формы политического или социального режима, которые стали бы объектом для подражания в других обществах.

Третье направление – мир-системная роль революций, в том числе как результирующая изменения Мир-Системы в целом, перевода ее в новое состояние. При этом, как сказано выше, революции будут частью цепи других сложных, конфликтных и разрушительных событий разной природы, ведущих Мир-Систему к новому

качеству. Революции станут своего рода тараном, разрушающим старый мировой порядок и готовящим условия для возникновения нового. Таким образом, если революции не будут эффективным средством для продвижения вперед в рамках отдельных обществ, они станут играть важную роль в трансформации Мир-Системы в целом.

5. Революции сегодня – орудие геополитики

Революции как геополитическое оружие и в качестве открытой или тайной государственной политики систематически стали использоваться в XX в. (хотя спорадически и раньше; например, такими были подстегивания восстаний в Польше против власти России в XIX в.). Япония разыгрывала эту карту в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. Во время Первой мировой войны Англия и Франция поддерживали кадетов и других оппозиционеров, которые выступали против монархии и, по сути, призывали к революции (а посольства, по некоторым данным, в какой-то мере являлись координаторами этих интриг). Германия, как известно, пыталась использовать (и не без успеха) революционеров, которые выступали за немедленное прекращение войны, прежде всего большевиков во главе с В. И. Лениным. Но в качестве постоянной линии внешней политики наиболее систематически помощь в организации революций стал оказывать СССР, по сути, сразу же после Октябрьской революции. Западные страны использовали революции значительно реже. Были попытки со стороны Ирана экспортировать исламские революции, хотя не особенно успешно (но в настоящий период в ряде стран Африки это приводит к заметным успехам, см.: Гринин 2020г).

США и западные страны резко изменили свое отношение к революциям, как только угроза возникновения коммунистических режимов в результате совершения революции исчезла. Революции стали считать позитивным и выгодным для западных стран явлением, вновь, как и раньше, начали отождествлять их с демократией, а демократию – рассматривать как безусловно позитивную форму. Однако это вовсе не так.

В результате конец XX и начало XXI в. стали периодом нового типа революций, в которых повысилась доля внешнего вмешательства и инспирирования, использования «рукотворных», нестихийных революций для свержения неугодных режимов. Целая цепь таких революций, получивших название цветных, прокатилась

по ряду стран (см., например: Mitchell 2022; определение таких революций см.: Гринин, Коротаев 2023). Таким образом, революции вновь стали использовать как важнейший инструмент геополитики, только теперь уже не коммунистические государства, а демократические. Для этого в избранных странах активно подготавливалась оппозиция, которая при возможности проходила обучение у западных инструкторов; также в качестве координаторов и штабов всякого рода использовались НКО и дипмиссии. К сожалению, чаще всего позитивный эффект таких революций был минимальным, зато негативный – разрушительным на длительное время (см., например: Голдстоун 2015: 161; Mitchell 2022). Важно понимать, что революции никогда не определяются только внешним воздействием, они всегда являются результатом и внутреннего кризиса. Это касается и цветных революций. Однако, во-первых, они могли бы и не произойти, если бы не инспирация извне, а во-вторых, истинные их цели не направлены на улучшение ситуации внутри страны, а служат интересам США и западных держав, в целом безразличных к судьбам революционизированного общества. И это дополнительно подтверждает идею о том, что революции – слишком разрушительный способ прогресса для современной формы общественной жизни (см.: Гринин 1997; Гринин и др. 2016).

6. Революции в мир-системном аспекте. Революции и уровень развития обществ

Революции нельзя понять без анализа их в мир-системном аспекте. Необходимость модернизации активно включала модернизирующееся общество в различные отношения с другими странами, а с этим усиливалось также идеологическое, культурное и иное воздействие передовых обществ, что также означало и импорт революционных идеологий. В итоге распространение контактов и знаний привело к подражанию более развитым обществам, то есть тем, кто уже пережил революцию. Революция начинает рассматриваться как неизбежное событие со знаком «плюс». Возникает ситуация, когда идеология в ряде стран за счет заимствования в готовом виде опережает уровень развития общества, образуется глубокий разрыв между идеологами, которые ориентируются на передовые страны, с одной стороны, и возможностями их конкретного общества – с другой. В итоге это ведет к своего рода фрустрации, оценке собственного политического режима и отношений как отсталых, никуда не годных, требующих слома и т. п.

Иными словами, во многих случаях революции происходят в обществах, объективно еще не достигших уровня, когда они становятся неизбежными, но поскольку за счет заимствования идеологий и практик революций в более развитых странах складываются определенные группы и органы информации, толкающие незрелые общества к революции, то социальные протесты и недовольство канализируются в объективно более высокую социальную форму, чем должны были. Таковы, на наш взгляд, революции на Востоке в начале XX в. (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021; Grinin L., Grinin A. 2022), а также многие цветные революции.

Словом, за счет мир-системного эффекта революции начинают захватывать и периферийные страны, которые еще объективно не доросли до такой формы прогресса. Ситуация примерно такая же, как в случае распространения экономических кризисов на еще очень слабую в промышленном плане экономику периферийных стран, которая самостоятельно до кризиса не дорастает.

Отметим также, что поскольку развитие во всех обществах идет постоянно, а в центре Мир-Системы оно может быть заметно сильнее, налицо стремление отстающих от центра обществ догнать его (но лишь немногим это удастся). Однако такая гонка создает условия для повторных революций в догоняющих странах, особенно если они не смогли создать институты, способные изменять общество мирным путем.

С другой стороны, постоянный нажим со стороны центра на эти общества в плане требований демократических перемен создает сильное давление на правящую элиту и мощную поддержку тем силам, которые стремятся к изменениям насильственным путем. Отсюда **революции с лозунгами, превосходящими объективные возможности общества, как результат того, что общества центра побуждают к изменениям общества полупериферии**. Это давление сказывается и в росте цветных революций.

Наконец, мир-системный эффект сильно сказывается в волнах трансформации (волнах революций), когда они быстро распространяются от общества к обществу (например, в 1848–1849 гг. или в ходе последней волны, так называемой «арабской весны») (подробнее см.: Гринин 2020a; о волнах революции см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020; Goldstone *et al.* 2022; Grinin 2022b; Grinin L., Grinin A. 2022).

Таким образом, *мир-системный эффект расширяет поле революций в мире, захватывая общества, не созревшие или не полно-*

стью готовые к революциям, и повышает возможность их победы. В известной мере именно мир-системный эффект влияет на то, что революции все еще остаются в арсенале средств социальных изменений.

7. Движение революций ко все более дальней периферии Мир-Системы

В результате (а) прохождения периода модернизации, (б) развития в обществах институтов, способствующих избеганию революций, (в) подтягивания все новых обществ к уровню ядра Мир-Системы происходит своего рода перемещение революционной активности от центра Мир-Системы к ее периферии, вплоть до самой дальней (что, в частности, наблюдалось во второй половине XX в. в целом ряде антиколониальных революций). Однако в связи с тем, что многие периферийные страны реально еще не достигли уровня развития, который бы усиливал внутренние факторы революционной активности, их революционные идеологии и практики оказывались недостаточно эффективными, так что требовались все новые революции (а также многочисленные военные и иные перевороты), чтобы двигаться дальше. В этой связи нами был сделан вывод о том, что роль революций как орудия исторического прогресса и создания принципиально новых типов отношений в обществе в историческом процессе сильно меняется в сторону уменьшения. При этом чем дальше от ядра Мир-Системы сдвигаются революции, тем сильнее изменяются эта роль (в сторону снижения ее способности сформировать качественно новые устойчивые отношения) и мир-системное влияние революций (в сторону уменьшения их влияния на судьбы Мир-Системы) (см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021; Гринин 2021; Голдстоун и др. 2022).

Однако в то же время был сделан вывод, что в плане влияния революций в целом (но не в каждом конкретном случае) на Мир-Систему их роль в настоящий момент, тем не менее, остается высокой, поскольку Мир-Система и мировой порядок явно находятся в процессе значительных перемен, а революции являются одним из важных способов ускорения таких перемен (Гринин 2020а; Grinin 2022f). Это происходит в связи с ослаблением мирового порядка (что выражается в самом общем виде в подтягивании политической составляющей Мир-Системы к сильно опередившей ее экономической составляющей); и число революций, и их роль как средства, усиливающего трансформации в Мир-Системе, вероятно, возрастает.

тет, они будут выступать как одно из средств разрушения старого мирового порядка.

При этом в связи с активным развитием и бурным демографическим ростом в странах Тропической Африки, а также усиливающимся влиянием на них (в частности, радикального исламизма) вектор революционной активности будет двигаться в сторону этих обществ (см.: Гринин 2020а). Это определяется также тем, что с каждым годом Африка будет все активнее привлекать к себе внимание ведущих мировых держав. А при внешнем давлении может возникнуть синергетический эффект, если налицо внутренняя слабость и неустойчивость таких государств и обществ (см. также: Там же).

Наконец, важно иметь в виду, что слабость этих обществ связана:

а) с тем, что в недавнем прошлом это были искусственные государственные образования, границы которых были проведены по политическим мотивам; в них отсутствуют прочные традиции государственности; эти общества этнически не монолитные, при этом конфликты между различными этносами, культурами, конфессиями, территориями или кланами очень значимы, а также легко вспыхивают;

б) большинство стран африканской макрзоны в большей или меньшей степени соответствуют одному или нескольким из перечисленных параметров, не говоря уже о том, что в этой макрзоне имеются так называемые слабые и несостоявшиеся государства (failed states), такие как Сомали, Мали, Чад и др. (о несостоявшихся государствах см.: Гринин 2014; см. также: Он же 2020б). Соответственно, вполне можно ожидать различных проблем именно в подобного рода странах;

в) африканские страны (особенно регион Сахеля), а также некоторые государства на Ближнем Востоке (например, Йемен) до сих пор характеризуются высокими темпами рождаемости и естественного прироста населения. Демографические прогнозы предполагают, что сокращение рождаемости начнется нескоро. Отсюда опасность попадания таких стран в модернизационные ловушки, в частности в «молодежную ловушку» (см.: Гринин 2014, 2017а, 2017б, 2018; Grinin 2022d). Высокий темп прироста населения модернизирующихся стран – это повышенный риск дестабилизации для общества (см. также: Гринин 2020в);

г) в то же время большинство африканских стран довольно быстро развиваются в экономическом, культурном и иных отноше-

ниях, включая очень быстрые темпы роста урбанизации, что, как известно, до определенного уровня резко повышает риски дестабилизации (Гринин, Коротаев 2009). Иными словами, африканские страны находятся в процессе модернизации (на разных ее уровнях), что, как мы говорили выше, повышает риски революционных событий и волнений. Наконец, рост национального самосознания в многоэтничных африканских обществах – это повышенная опасность национально-освободительных революций (Гринин 2020в);

д) наконец, модернизирующиеся общества очень податливы по отношению к радикальным идеологиям, поэтому во многих африканских странах быстро распространяется радикально-революционная исламистская идеология и усиливаются вооруженные группы исламистских радикалов (Он же 2020г).

Таким образом, можно предполагать, что по целому ряду глобальных, региональных, культурно-религиозных и страновых причин многие общества афразийской макрзоны нестабильности достаточно длительное время будут подвержены повышенным рискам дестабилизации, включая революции. Африка станет наиболее беспокойным и наиболее революционным континентом XXI столетия.

Таким образом, новые десятилетия XXI в. обещают быть довольно активными, полными изменений, драматических столкновений, поиска пути к новым состояниям на уровне регионов и Мир-Системы, изменений в балансе мировых сил. И во всех этих процессах заметную роль могут играть революции и революционные события, характер которых обещает изменения, а также разные по типу иные дестабилизационные события. В этом плане будущие революции (в смысле прогрессивности) можно сравнить с ролью крупных войн, которые создают условия для изменения конфигурации регионов и мира, но имеют весьма разрушительную форму и высокую цену.

8. Плюсы и минусы

В этом параграфе мы кратко сформулируем плюсы и минусы революций уже без расширенной аргументации, которая в значительной мере была представлена выше. Тезисы даны в форме дискуссии, при этом плюсы выделены курсивом, а минусы приведены обычным шрифтом.

- *Революции болезненны, но полезны, когда нет другого пути изменения обществ. Революция помогает обществу разрешить*

усиливающиеся противоречия, которые оно оказывается неспособно разрешить иным способом.

- Однако революции – слишком разрушительный способ прогресса для современной формы общественной жизни, и они вполне могут быть заменены определенными институтами, реформами, особенно упреждающими (это стало окончательно очевидным после революций 1848–1849 гг.). В современных условиях революции тем более стали архаичным способом разрешения противоречий.

- *Революции – это открытие социальных лифтов, невозможных в иные эпохи. «Революции – праздник угнетенных и эксплуатируемых, – писал В. И. Ленин. – Никогда масса народа не способна выступить таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса» (Ленин 1960: 103).*

- Однако цена такого «праздника» очень и очень высока.

- *Революции – последний аргумент населения (народа) против элит и правительств, которые перестают его слышать, отключают каналы обратной связи.*

- Но если правящая элита не полностью потеряла чувство самосохранения (и если она не слишком расколота, поскольку раскол элит – важное условие успешной революции), она всегда имеет возможность пойти на компромисс и тем самым предотвратить революцию.

- *Революции порой открывают путь к более быстрому развитию.*

- Нередко получается, что революции происходят именно в экономически успешных или даже очень успешных обществах, тем самым останавливая развитие, которое могло бы решить многие проблемы общества.

- *Есть революции (так называемые «бархатные»), цена которых оказывается небольшой, а результаты – масштабными⁸.*

- Но, к сожалению, лишь меньшая часть революций имеют небольшую цену. «Бархатные революции» – это, как правило, уже

⁸ История подобных политических переворотов начинается со Славной революции 1688 г. в Англии. Несколько таких революций демонстрируют нам последние десятилетия исторического процесса, среди которых, в частности, можно упомянуть 1989 г. – это волна революционных движений в социалистических странах Европы. Некоторые из них были «бархатными», как революция в Чехословакии.

последний акт революционных изменений, то есть за ними стоит довольно длительная история попыток демократических преобразований и предшествующих революций. Вот почему они обычно проходят довольно быстро и без кровопролития. Если же общество недостаточно модернизировалось, то надеяться на «бархатность» революции не приходится, его ждут серьезные перемены, поскольку дальнейшие революционные шаги вызывают ожесточение и усиление внутренней борьбы⁹.

- *Революции помогают свергнуть диктаторов и автократов, которые не хотят уходить добровольно.*

- Но если революция происходит в стране со слабой традицией государственности, многоэтничной (или этноконфессиональной), то результатом свержения автократа, который был способен цементировать такое рыхлое общество в течение десятилетий и вести его к прогрессу, может стать кровавая революционная эпоха (или даже эпоха смут): с гражданской войной, сепаратизмом, радикализмом; при этом обычны обострения давно сложившихся этноконфессиональных противоречий, появление массы беженцев и т. д. Все это мы наблюдаем на Ближнем Востоке и в ряде стран Африки¹⁰.

- *Революции – это путь к демократии.*

- Революции стремятся установить демократическую форму, но очень часто общества к этому не готовы, в результате чего запускаются процессы борьбы различных групп за власть, и нередко революция завершается установлением новой диктатуры, порой еще более жесткой, чем прежняя.

- *Революции – способ смены власти, потерявшей авторитет, которая, однако, уходить добровольно не собирается¹¹.*

⁹ Последний пример – ситуация в Египте 2011 г., за которую сегодня приходится расплачиваться чудовищным разгулом исключительно кровавых террористических актов.

¹⁰ Потому стоит повторить вывод, который делался нами в: (Гринин и др. 2016). Свержение авторитарной власти в странах Ближнего Востока и Северной Африки (а также других частей африканской зоны нестабильности), под какими бы благородными лозунгами оно ни проходило, часто ведет к возникновению очага нестабильности, влияющего и на соседние общества, причем этот очаг может существовать десятилетиями (см. также: Гринин 2020д).

¹¹ И чем сильнее это общественное недовольство и слабость власти, тем реальнее возможность совершения революции. Как говорит П. А. Сорокин (1992б:

- Любая смена власти, даже самая легитимная, неважно, в монархическом или демократическом устройстве, неизбежно ведет к более или менее заметным сбоям в функционировании административно-политической машины. Смена же власти путем революции означает гораздо более резкий сбой в работе системы, часто с непредсказуемыми последствиями. Вот почему в целом революции всегда были очень разрушительным и затратным способом социального прогресса.

9. Рекомендации

Итак, было показано, как с осознанием того, что революции – слишком затратный способ социальных изменений, способный даже свернуть общество с магистрального пути развития, во все большем количестве стран укреплялся новый инструмент развития – сознательное и при возможности упреждающее реформирование, которое при удачном стечении обстоятельств позволяло снимать социальное напряжение, но главное – открывало перспективы развития общества на десятилетия. Цена реформ для общества обычно была существенно ниже революционной. И хотя в ряде случаев революции являются неизбежными, однако в целом в настоящий момент их нельзя рассматривать как современный способ развития общества, поэтому необходимо стремиться находить иные пути развития. Революции в современной ситуации надо рассматривать как болезненное явление, вызванное пороками существующей социально-политической системы или грубыми ошибками правительств и элит, либо как результат вмешательства во внутренние дела государства извне.

Следует сделать и еще один важный вывод: революции могут быть не только ускорены, вызваны к жизни и приведены к победе, даже если у них не так много шансов на успех (как это происходит во время многих цветных революций), но и предотвращены, если достаточно глубоко понимать механизм их возникновения и победы. Мы в состоянии судить об этом по тем событиям, которые можно назвать охраной режимов, установленных цветными рево-

278), когда ореол власти испарился, в ее сохранении возникают законные сомнения. С потерей доверия к власти часто также связано ощущение надвигающейся катастрофы, а когда общество начинает осознавать близость непредвиденной социальной катастрофы, по мнению Ч. Джонсона, возникает и усиливается идея (и, добавим, – желательность) революции (Johnson 1968: 12).

люциями (совсем недавно, в конце 2022 г., мы наблюдали такие антиреволюционные акции в Молдове). О том, как предотвратить революции, на Западе задумались давно, а дело было поставлено на научную основу уже с 1920-х гг., когда западные страны уверились в необходимости, говоря словами Л. Эдвардса, создать механизм, который должен отвечать задаче предотвращения революций (Edwards 1927, 1965: 213)¹².

В современный период, как уже сказано, развитие обществ через революции – это весьма затратный способ решения проблем; в результате революций общества могут попасть в революционную ловушку, из которой не в состоянии выйти в течение долгих десятилетий. Поэтому гораздо эффективнее не доводить общество до революционного взрыва, а решать накопившиеся острые проблемы путем постепенного, а еще лучше упреждающего реформирования.

Разумеется, для этого нужно, чтобы элиты и правительства: а) ясно понимали опасность революционных взрывов как во многом слабо управляемого процесса, особенно в отношении среднесрочных и долгосрочных результатов; б) стремились избежать их.

Можно сформулировать некоторые практические рекомендации. Во-первых, крайне важна международная обстановка:

1) Международные организации не должны поощрять революции, которые инспирируются теми или иными внешними силами в собственных геополитических или иных интересах (речь идет о революциях типа цветных).

2) Необходимо прекратить пропагандировать идею революции как пути к демократизации стран. На самом деле большинство революций не ведет к демократизации, если страны к этому не готовы.

3) Нужно перестать идеологизировать революцию как нечто преимущественно хорошее и прогрессивное. Отсюда прекратить продвижение идей демократизации ради идеологии, поскольку для

¹² Это была одна из причин усиленного исследования проблемы революций. Например, в середине 1950-х гг. Гуверовский институт войны, революции и мира в Стэнфорде (Калифорния, США) начал серию исследований «с целью описания мировой революции нашего времени и ее воздействия на международную и национальную политику» (Fisher 1955: II). О широких программах исследования революций по заданию правительственных органов в США в 1960–1980-е гг. см., например: Taylor 1984: 7.

внедрения демократии в странах, где ее нет, необходимы многочисленные условия, а также глубокий учет культурно-исторических особенностей. Так, в ряде исламских стран развивается демократия, но исламского типа, что не нравится западным идеологам, которые полагают, что есть только один тип демократии – западный.

4) Очень желателен международно признанный документ о революциях, в которых право народа на революцию, признаваясь, рассматривалось бы как крайняя мера, а предпочтительными были бы менее разрушительные способы (как война, оставаясь правом государства, тем не менее рассматривается как крайне нежелательное средство решения международных противоречий).

5) Возможно, имело бы практический смысл создать специальный орган в ООН или других организациях, который бы отслеживал нарастание революционных тенденций в различных странах и предоставлял специалистов, оказывающих помощь в предотвращении таких событий путем изменения политики, посредничества в диалоге с оппозицией и т. п.

6) Нужно использовать существующие инструменты или разработать новые, позволяющие лучше отслеживать изменения протестных настроений, что помогало бы правительствам в понимании роста опасности революций.

7) Правительство и/или элиты должны выяснить и явным для себя образом сформулировать наиболее злободневные и провоцирующие проблемы в обществе. Важно иметь план решения этих задач и так или иначе осуществлять его.

8) Обществам, быстро развивающимся экономически, необходимо помнить, что такое развитие ведет к образованию резких диспропорций и росту недовольства, поэтому гораздо легче уменьшать эти диспропорции с помощью принятых законов (или специальных мер) на начальном этапе, чем в то время, когда они уже закрепились.

9) В странах с достаточно высокой опасностью революций должны быть правительственные органы (помимо политической полиции), которые бы занимались анализом ситуации в стране и готовили на регулярной основе предложения по минимизации рисков дестабилизации.

10) Следует обращать неустанное внимание на наиболее чувствительные моменты, которые могут стать источником революционного взрыва: политика в отношении языков, доступа к образова-

нию разных групп, межнациональных и межэтнических трений, религиозных трений и конфликтов, опасности пауперизации значимых групп населения.

11) Особое внимание необходимо обратить на молодежь, поскольку это наиболее податливая в отношении протестов группа. Нужно проводить систематическую государственную политику в отношении молодежи.

12) Необходима систематическая идеологическая работа, с помощью которой власти могли бы проводить свою политику в обществе, доносить свою позицию, спланировать население.

13) Нужно использовать политику компромиссов внутри страны для групп, которые могут стать ядром протестов.

14) Не следует допускать монополизации экономики, финансов и т. п. в руках узкой несменяемой группы.

15) Этнонациональные проблемы являются, вероятно, наиболее сложными в плане влияния на них. Тем не менее возможно обеспечить некий баланс интересов.

16) Правительственные фонды всегда должны иметь неприкосновенный запас средств для «тушения пожара», который крайне нежелательно тратить. Этот стабфонд может очень заметно смягчить проблему в самом начале революционного движения (аналогия – запасы зерна на случай неурожая).

17) Даже в случае установления личностной диктатуры с имитацией выборов очень желательно не стремиться показывать на выборах слишком высокие результаты поддержки (не более 80 %).

18) Нельзя полностью закрывать клапан критики, то есть нужно как-то спускать пар недовольства, иначе давление разорвет котел. Соответственно, необходимо иметь хоть какую-то оппозицию.

Литература

Голдстоун, Дж. 2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

Голдстоун, Д. А., Гринин, Л. Е., Коротяев, А. В. 2022. Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования* 4: 108–119. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.09.

Гринин Л. Е.

1997. Формации и цивилизации. Гл. 2. *Философия и общество* 2: 5–89.

2006. *Производительные силы и исторический процесс*. 3-е изд., стер. М.: КомКнига.

2010. Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *О причинах Русской революции*. М.: ЛКИ/URSS. С. 198–224.

2011. Государство и социально-политический кризис в процессе модернизации. *Историческая психология и социология истории* 2: 77–106.

2013. Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.

2014. Модернизационные (постмальтузианские) ловушки. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов*: ежегодник. Волгоград: Учитель. С. 98–127.

2017а. Русская революция и ловушки модернизации. *Полис. Политические исследования* 4: 138–155.

2017б. Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы*. М.: URSS. С. 337–356.

2018. Модернизация и социально-политические кризисы. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *Кондратьевские волны: к 125-летию со дня рождения Н. Д. Кондратьева*. Волгоград: Учитель. С. 86–115.

2020а. Революции как фактор дестабилизации и реконфигурации Мир-Системы в XXI столетии и афразийская макрозона нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник: в 2 ч. Волгоград: Учитель. Ч. 1. С. 146–180.

2020б. Демографические процессы как базовый и длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрозоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 181–199.

2020в. Движение обществ к зрелым социально-политическим и экономическим отношениям как длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрозоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 11. Волгоград: Учитель. Ч. 2. С. 666–693.

2020г. Радикальный исламизм, религиозный фактор и дестабилизация в странах афразийской макрозоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 11. Волгоград: Учитель. Ч. 2. С. 810–828.

2020. Глобальная и региональная геополитика как дестабилизационный фактор в афразийской зоне нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Корота-

ев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. Ч. 2. С. 517–527.

2021. Революции и их роль в историческом процессе. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст: ежегодник*. Волгоград: Учитель. С. 6–35.

2022. Новая волна революционных процессов в афразийской макроне нестабильности и ее влияние на смежные мир-системные зоны. *История и современность* 3: 3–22. DOI: 10.30884/iis/ 2022.03.01.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л.

2015. *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего)*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

2020. Революции XX века: теоретический и количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 5: 130–147.

2021. Революции XX века: общие причины и классификация. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст: ежегодник*. Волгоград: Учитель. С. 543–567.

Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Коротаев, А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2009. Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов. *Полис. Политические исследования* 4: 34–52.

2013. Демократия и революция. *История и современность* 2: 15–35.

2014. Революция vs демократия. *Полис. Политические исследования* 3: 139–158.

2020. Методологические пояснения к исследованию революционных событий. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». Ч. 2. С. 854–861.

2023. Теория революции и методология анализа в приложении к революционным событиям XXI в. *История и современность* 3: 5–27. DOI: 10.30884/iis/2023.03.01.

Дьяконов, И. М.

1951. Реформы Урукагины в Лагаше. *Вестник древней истории* 1: 15–32.

1983 (ред.). *История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой формации*. Т. 1. Месопотамия. М.: Глав. ред. вост. лит-ры.

2000. Города-государства Шумера. В: Якобсон, В. А. (отв. ред.), *История Востока*: в 6 т. Т. 1. *Восток в древности*. М.: Вост. лит-ра.

Илюшечкин, В. П. 1967. *Крестьянская война тайпинов*. М.: Наука.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Божевольнов, Ю. В., Зинькина, Ю. В., Малков С. Ю. 2011. Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г., Малков, С. Ю. (ред.), *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы*. М.: Красанд/URSS. С. 138–164.

Ленин, В. И.

1960. Две тактики социал-демократии в демократической революции. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.*: в 55 т. 5-е изд. Т. 11. М.: Политиздат. С. 1–131.

1969. О двоевластии. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.*: в 55 т. 5-е изд. Т. 31. *Март – апрель 1917*. М.: Политиздат. С. 145–148.

Семенов, Ю. И., Гобозов, И. А., Гринин, Л. Е. 2007. *Философия истории: проблемы и перспективы*. М.: КомКнига.

Сорокин, П. А.

1992а. *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат.

1992б. Социология революции. В: Сорокин, П. А., *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат. С. 266–294.

1994. Голод и идеология общества. В: Сорокин, П. А., *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет*. М.: Наука. С. 367–395.

Стародубровская, И., Мау, В. 2004. *Великие революции. От Кромвеля до Путина*. М.: Вагриус, 2004.

Токвиль, А. де. 1997. *Старый порядок и революция*. М.: Московский философский фонд.

Травин, Д., Марганя, О. 2004. *Европейская модернизация*. Кн. 1. М.: АСТ, Terra Fantastica.

Хантингтон, С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.

Хобсбаум, Э. 1999. *Век революции. Европа 1778–1848*. Ростов н/Д.: Феникс.

Voix, C. 2011. Democracy, Development, and the International System. *American Political Science Review* 105(4): 809–828.

Eisenstadt, S. 1978. *Revolution and the Transformation of Societies: a Comparative Study of Civilizations*. New York: Free Press.

Edwards, L. P.

1927. *The Natural History of Revolution*. Chicago: University of Chicago Press.

1965. *The Natural History of Revolution*. 2nd ed. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Epstein, D. L., Bates, R., Goldstone, J., Kristensen, I., O'Halloran, S. 2006. Democratic Transitions. *American Journal of Political Science* 50(3): 551–569.

Fisher, H. H. 1955. *The Communist Revolution. An Outline of Strategy and Tactics*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. 2022. Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 1–34. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_1.

Grinin, L.

2012. State and Socio-political Crises in the Process of Modernization. *Cliodynamics* 3(1): 124–157. DOI: 10.21237/C7clio3112323.

2022a. Evolution and Typology of Revolutions. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 173–200. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_6.

2022b. On Revolutionary Waves since the 16th Century. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 389–411. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_13.

2022c. Revolutions and Historical Process. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 139–171. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_5.

2022d. Revolution and Modernization Traps. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 219–238. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_8.

2022e. The European Revolutions and Revolutionary Waves of the 19th Century: Their Causes and Consequences. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 281–313. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_11.

2022f. Revolutions of the 21st Century as a Factor of the World System Re-configuration. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the*

Causes and Effects of Disruptive Political Change. Cham: Springer. Pp. 973–996. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_38.

Grinin, L., Grinin, A. 2022. Revolutionary Waves and Lines of the 20th Century. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes*. Cham: Springer.

Grinin, L., Korotayev, A. 2015. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. Cham: Springer International Publishing.

Johnson, Ch. 1968. *Revolutionary Change*. London: University of London Press.

Korotayev, A., Malkov, S., Grinin, L. 2014. A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History & Mathematics* 4: 201–267.

Lipset, S. M. 1959. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *American Political Science Review* 53(1): 69–105.

Mitchell, L. A. 2022. The Color Revolutions. Successes and Limitations of Non-violent Protest. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 105–138. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_12.

Moore, B. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.

Taylor, S. 1984. *Social Science and Revolutions*. London: Macmillan.